ЯМ
Т-77
автограф.

Барону Николаевичу фонъ Эдингу
на добрую память
отъ автора
ЛМ
Т77
Биограф
Ч XLIV 21

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Кн. Е. Н. Трубецкой.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ЕЯ ДУХОВНЫЙ СМЫСЛЪ.

(Публичная лекція).

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1915.

ЛМ
+77

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Кн. Е. Н. Трубецкой.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ЕЯ ДУХОВНЫЙ СМЫСЛЪ.

(Публичная лекція).

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1915.

2-Ъ ДЪ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
646630.

I.

Попытка проникнуть во внутренній, *духовный* смыслъ міровыхъ событій, еще не завершившихъ своего теченія, можетъ показаться дерзкой и преждевременной. Можемъ ли мы—современники и участники этихъ событій—возвыситься духомъ надъ тѣмъ могучимъ потокомъ, который насъ уноситъ? Можемъ ли мы обладать достаточнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, чтобы судить о его значеніи?

Какова бы ни была кажущаяся убѣдительность этихъ сомнѣній, есть вѣскія основанія, которыя заставляютъ насъ ставить вопросъ именно теперь.— Въ другую, болѣе тусклую эпоху мы сами не будемъ обладать той совершенно исключительной воспріимчивостью и чуткостью, которыя свойственны намъ въ настоящую минуту—въ дни переживаемаго нами духовнаго подъема. Въ эпохи будничныя сверхвременное блекнетъ, гаснетъ чувство и самая мысль нерѣдко утрачиваетъ высоту и силу своего полета. Тогда вниманіе поглощается частнымъ, и забывается общее, великое историческое цѣлое заслоняется раздоромъ противоположныхъ началъ, несущественными подробностями и преходящими злобами дня, а единый смыслъ жизни теряется и словно исчезаетъ въ пестромъ хаосѣ событій.

Помнится, въ концѣ девяностыхъ годовъ мнѣ пришлось слышать въ Италіи разговоръ, типическій для всей современной Европы въ мирное время. Рѣчь шла о безконечномъ дробленіи всей политической и общественной жизни Италіи, о нескончаемой и безнадежной борьбѣ множества политическихъ партій, группъ и подраздѣленій группъ, которыя никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое. И собесѣдники-итальянцы безпомощно спрашивали,—*гдѣ же руководящій мотивъ* современной политической и общественной жизни? Вопросъ этотъ въ то время не находилъ себѣ отвѣта ни въ Италіи ни въ какой-либо другой странѣ. И не въ одной политикѣ—во всѣхъ сферахъ жизни одинаково мучительно ощущалась все та же безтолочь, все то же дробленіе, отсутствіе цѣльности и связующаго всѣхъ *общаго* смысла. Во всѣхъ странахъ міра царствовалъ все тотъ же раздоръ и пестрый, безсмысленный хаосъ: всюду группа заслоняла націю, нація—человѣчество; а вопросы—*зачѣмъ* и *куда* казались одинаково неразрѣшимыми.

Въ теченіе долгаго времени для поверхностнаго взгляда Россія могла казаться исключеніемъ изъ общаго правила; но это обусловливалось единственно тѣмъ, что она была лишена возможности высказывать свою коллективную мысль и волю: какъ только благодаря представительнымъ учрежденіямъ и нѣкоторому расширенію свободы печати эта возможность явилась, единство и цѣльность общественной жизни тотчасъ оказались призрачными; общественное дробленіе и раздоръ партій проявились съ той же силой и не съ меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ западной Европѣ. А вопросъ о томъ, гдѣ же, наконецъ, *единая* нація, гдѣ *руководящій мотивъ*

жизни нашего народа и жизни народовъ вообще,— оказался столь же труднымъ для разрѣшенія у насъ, какъ и всюду.

И вотъ теперь мы переживаемъ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ историческихъ минутъ, когда жизнь какъ будто даетъ на него отвѣтъ. Это — одна изъ тѣхъ эпохъ, когда *сверхвременный* смыслъ жизни личной, національной и общечеловѣческой свѣтитъ необычайно ярко и сильно, когда единство центральнаго, *мірового* мотива исторіи становится особенно яснымъ и несомнѣннымъ. Въ такія эпохи все частное отметается: интересы групповые, партійные, умолкаютъ и какъ бы стыдятся самихъ себя; наоборотъ, то *общее*, что связуетъ людей въ націи, — проявляется съ исключительной энергіей. Національное единство ощущается съ наибольшею силою именно въ тѣ историческія минуты, когда ему угрожаетъ наибольшая опасность. И въ то же время, несмотря на ожесточенность спора между націями, необычайно глубоко чувствуется то, что безконечно выше этого спора, — тотъ безусловный, *сверхнародный* смыслъ жизни, который *долженъ* объединять народы. Необходимо теперь же закрѣпить въ мысли то цѣнное, что есть въ переживаемомъ нами духовномъ подъемѣ, потому что забыть эти переживанія значитъ вновь угасить въ себѣ ту жизнь духа, которая собираетъ насъ воедино, и погрузиться безъ остатка въ тотъ безсмысленный потокъ обыденщины, гдѣ все разорвано на части; тамъ утрачиваютъ свою цѣлость и личность и народъ и человѣчество.

Разумѣется, было бы преждевременнымъ подводить окончательный итогъ всѣмъ духовнымъ пріобрѣтеніямъ настоящей войны. Однако нѣкоторыя

изъ нихъ уже теперь представляются несомнѣнными. Прежде всего — *Россія совершила огромный шагъ въ самосознаніи и въ самопознаніи.* Онъ измѣряется хотя бы тѣмъ, что только теперь мы можемъ, наконецъ, осмыслить тѣ событія и факты недавняго прошлаго, значеніе коихъ доселѣ оставалось для насъ неяснымъ и спорнымъ; чтобы глубже проникнуть въ смыслъ настоящей войны, намъ необходимо остановить наше вниманіе на этой только что пережитой нами *подготовительной эпохѣ* русской жизни.

Въ болѣзняхъ и мукахъ совершался процессъ нашего духовнаго рожденія, и наблюдателю со стороны не легко было рѣшить вопросъ, что это такое: болѣзнь роста или недугъ смертельный, — процессъ разложенія общественнаго организма. До 1903 года надъ Россіей носилась *атмосфера ноющей безсмыслицы*, та самая, которая нашла себѣ безподобно яркое изображеніе въ произведеніяхъ Чехова. Общественность отсутствовала, и сонная Россія, казалось, потеряла свое духовное *я*, утратила смыслъ своего существованія; а острое чувство тоски, развивавшейся среди этого общественнаго безмыслія и бездѣйствія, заглушалось двумя могущественными суррогатами жизни и смысла—водкой и картами. Насъ разбудилъ ударъ грома на Дальнемъ Востокѣ — несчастная война, перешедшая въ кровавую смуту.

Начавшійся вслѣдъ за тѣмъ періодъ общественнаго строительства протекалъ среди напряженной борьбы противоложныхъ теченій. Картина была пестрая и сложная; въ теченіе долгаго времени трудно было рѣшить, что возьметъ верхъ,—тѣ ли творческія силы, которыя выковываютъ новыя формы народной

жизни, или тотъ хаосъ темныхъ центробѣжныхъ силъ, который рветъ на части національное цѣлое и угрожаетъ ему полнымъ распадомъ. Видимость была обманчива, и нечего удивляться тому, что она ввела въ заблужденіе нашихъ сосѣдей — нѣмцевъ: отъ многихъ русскихъ въ ближайшіе годы послѣ японской войны приходилось слышать, что Россія — совсѣмъ разлагающаяся страна.

Прежде всего до настоящей войны мы, повидимому, и сами не знали той силы любви къ родинѣ, которая таилась въ русской душѣ; въ дни японской войны, напротивъ, въ русскомъ обществѣ наблюдалось какъ бы нѣкоторое ослабленіе національнаго чувства, которое многими ошибочно истолковывалось, какъ признакъ омертвѣнія самой русской народности.

Затѣмъ, въ періодъ, непосредственно слѣдующій за войной, обнаружилась грозная сила антигосударственныхъ и антиобщественныхъ теченій въ Россіи. Цѣлости нашего государственнаго организма угрожали съ одной стороны пугачевщина, поддерживаемая острой нуждою народной и неустройствомъ русской деревни, а съ другой стороны—мундирный анархизмъ—наше традиціонное безначаліе и беззаконіе. Въ связи съ непрекращающимся пьянствомъ хулиганство въ нашихъ народныхъ массахъ разросталось до неслыханныхъ размѣровъ: его развитіе шло рука объ руку съ ослабленіемъ религіозной вѣры и съ появленіемъ новыхъ, прямо нигилистическихъ теченій среди нашей крестьянской молодежи. Въ крестьянствѣ таилась возможность новой смуты, среди рабочихъ не прекращалось глухое революціонное броженіе. А въ то же время успѣхи

порнографической литературы и въ особенности проповѣди Санина свидѣтельствовали о могущественномъ развитіи хулиганскаго аморализма среди образованныхъ и полуобразованныхъ слоевъ русскаго общества. Къ опасности общественнаго разложенія въ то же самое время присоединялась и опасность политическая; тутъ элементомъ смуты служилъ нашъ воинствующій націонализмъ, эта рабская копія съ націонализма германскаго: онъ дѣлалъ все возможное, чтобы обострить борьбу народностей въ Россіи и разжечь въ инородцахъ ненависть противъ господствующаго великорусскаго племени; тѣмъ самымъ расшатывалась внутренняя крѣпость Россіи и ея международное положеніе.

Велика была сила разрушительныхъ теченій въ Россіи, и опасенія пессимистовъ за ея будущее имѣли видимость вѣскихъ основаній; но, къ счастью, опасенія эти не оправдались. Еще могущественнѣе оказалась цѣлящая сила жизни въ нашей душѣ народной, и она взяла верхъ надъ болѣзнью. Съ Россіей повторилось то же самое, что бываетъ иногда при болѣзняхъ физическихъ. Таившіеся въ нашемъ народномъ организмѣ и постепенно накаплявшіеся въ немъ яды обнаружили всю свою силу именно въ тотъ моментъ, когда они стали выходить наружу. Для организма слабаго этотъ болѣзненный процессъ высыпанія нерѣдко оказывается началомъ конца; напротивъ, для организма сильнаго онъ означаетъ освобожденіе отъ яда и, стало-быть,—начало выздоровленія. Но, пока процессъ не завершится, — возможны ошибки въ діагнозѣ: никто не можетъ предсказать навѣрняка, что ждетъ больного,— выздоровленіе или смерть?

Такъ было и съ Россіей. Діагнозъ пессимистовъ оказался ошибочнымъ, потому что онъ не дооцѣнилъ присущей ей жизненной энергіи — тѣхъ нравственныхъ ея силъ, которыя оказались гораздо могущественнѣе смертоносныхъ ядовъ. Россія справилась со своими недугами; крѣпость нашего народнаго организма отнынѣ доказана огненнымъ испытаніемъ великой европейской войны: организмъ больной или слабый не могъ бы выдержать и малой доли того, что мы теперь выдерживаемъ. И въ довершеніе всего, теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что болѣзни, пережитыя Россіей за истекшій переходный періодъ ея исторіи, были *болѣзнями роста*.

Прежде всего *матеріальный* ея ростъ за истекшее десятилѣтіе удостовѣряется поразительнымъ усиленіемъ военнаго могущества. Въ этомъ отношеніи она со времени минувшей японской войны стала неузнаваема. Но это усиленіе военнаго могущества не есть только фактъ матеріальнаго порядка: оно является вмѣстѣ съ тѣмъ и краснорѣчивымъ показателемъ нѣкотораго дѣйствія силъ *духовныхъ*, безъ коего уроки японской войны не могли бы быть нами использованы. И прежде всего въ этомъ усиленіи русской арміи отражается ростъ *русской общественности* за истекшее десятилѣтіе.

Раньше всѣ заботы по организаціи русской военной силы были исключительно дѣломъ правительства; наоборотъ, та реорганизація арміи, которая совершилась за истекшія десять лѣтъ, является результатомъ совмѣстной работы правительственной власти и народнаго представительства; послѣднее горячо откликалось на всякія улучшенія, настойчиво ихъ требовало и поддерживало ихъ щедрыми кре-

дитами. Парламентскія пренія, касающіяся арміи не публикуются во всеобщее свѣдѣніе, и потому намъ трудно судить о томъ, какъ широко было участіе нашихъ народныхъ представителей въ той созидательной работѣ, которая привела къ возрожденію русской военной мощи; мы пока еще не можемъ опредѣлить степень того *возбуждающаго* вліянія, какое они оказали на дѣятельность военныхъ властей, протекавшую на глазахъ у Государственной Думы. И тѣмъ не менѣе огромный *моральный* результатъ этой совмѣстной работы виденъ уже теперь. Участіе въ ней народнаго представительства воспитало въ широкихъ слояхъ русскаго общества *чувство солидарности между народомъ и арміей и сознаніе отвѣтственности народа за армію.*

Въ томъ общественномъ настроеніи, которое господствовало въ дни японской войны, болѣзненно поражало отчужденіе между народомъ и арміей. Никто не чувствовалъ себя отвѣтственнымъ за послѣднюю. Не было того пламеннаго интереса къ ней, который замѣчается теперь; общественное отношеніе къ ней было въ общемъ довольно-таки холоднымъ: словно ея дѣло не считалось дѣломъ народнымъ, и ея неудачи разсматривались не какъ пораженія русскаго народа, а единственно какъ пораженія русскаго правительства.

Теперь, наоборотъ, армія всѣми ощущается какъ плоть отъ плоти и кость отъ кости нашей — предметъ народной любви и гордости. Ея слава — *наша* слава; наоборотъ, ея временныя неудачи, неизбѣжныя даже въ войнѣ побѣдоносной, всѣми ощущаются какъ *наши* народныя неудачи. И это сліяніе народа съ арміей обусловливается не одной только

популярностью нынѣшней войны, но также и творческимъ участіемъ народа въ созиданіи арміи. Теперь мы участвуемъ въ войнѣ какъ отвѣтственные *граждане* нашего государства, тогда какъ въ дни японской войны мы чувствовали себя только безотвѣтственными обывателями и зрителями. Въ этомъ—одно изъ существенныхъ отличій нынѣшняго общественнаго настроенія отъ тогдашняго и одно изъ основныхъ условій проявленной нами силы. Въ сознаніи своего единства съ народомъ заключается одинъ изъ могущественнѣйшихъ источниковъ воодушевленія арміи. Чтобы совершать великіе подвиги, воинъ долженъ прежде всего чувствовать себя гражданиномъ. Поэтому все, что способствуетъ развитію гражданскихъ чувствъ въ населеніи, тѣмъ самымъ служитъ на пользу арміи. Въ созданіи новой атмосферы гражданственности въ Россіи за истекшее десятилѣтіе заключается огромная заслуга нашего народнаго представительства, и уже этимъ однимъ доказывается, до какой степени преувеличена была та пессимистическая оцѣнка ея дѣятельности, которая такъ часто высказывалась за послѣдніе годы. Какъ бы ни было несовершенно наше народное представительство, все-таки оно оказалось могущественной творческой силой; въ особенности въ созиданіи новой русской общественности ему принадлежитъ огромная роль; тутъ его духовное вліяніе имѣло гораздо большее значеніе, чѣмъ его законодательная работа.

Но не одною дѣятельностью народнаго представительства измѣряются успѣхи современной русской общественности. Другимъ показателемъ этихъ успѣховъ является могущественный экономическій ростъ Россіи за истекшее десятилѣтіе.

Опять-таки и здѣсь въ матеріальномъ фактѣ выражается творческая дѣятельность силы духовной. Наиболѣе яркимъ тому доказательствомъ служитъ охватившее наше крестьянство за послѣдніе годы кооперативное движеніе. Въ короткое время оно обѣщаетъ измѣнить въ корнѣ весь бытовой укладъ нашей деревни. Обезпечивая крестьянину дешевый кредитъ, кредитныя товарищества дѣлаютъ его независимымъ отъ сельскаго кулака. Товарищества потребительныя даютъ ему возможность дешево покупать предметы первой необходимости; товарищества производительныя улучшаютъ производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и обезпечиваютъ выгодныя условія ихъ сбыта; наконецъ, кооперація даетъ возможность крестьянамъ на общія средства пріобрѣтать дорого стоящія и раньше недоступныя имъ сельско-хозяйственныя машины.

Важнѣе всѣхъ этихъ экономическихъ улучшеній— тѣ *новые принципы*, которые вносятся коопераціями въ жизнь нашей деревни. Раньше бѣдность ея создавалась и поддерживалась въ особенности отсутствіемъ личной иниціативы — *косностью* крестьянской массы и ея *разрозненностью*. Теперь же коопераціи, коихъ десять лѣтъ тому назадъ въ нашей деревнѣ почти вовсе не было, и коихъ теперь насчитываются въ ней уже десятки тысячъ, вносятъ въ нашу крестьянскую среду дотолѣ чуждыя ей начала *свободной организаціи и самопомощи*. Важно то, что подъемомъ своего благосостоянія крестьянинъ обязанъ прежде всего самому себѣ: черезъ кооперацію онъ становится самъ созидателемъ собственнаго благополучія. И на эту крестьянскую самопомощь опирается теперь вся правительственная и

земская дѣятельность, направленная къ улучшенію быта деревни. Вся реорганизація крестьянскаго сельскаго хозяйства, вся экономическая помощь сельскому населенію какъ земская, такъ и правительственная, теперь проводится черезъ коопераціи.

На ряду съ хозяйственной полезностью коопераціи велико ея нравственное значеніе. Стихійный ростъ кооперативнаго движенія въ нашей деревнѣ доказываетъ, что въ нашемъ народномъ организмѣ есть жизненная сила, способная противостоять разлагающимъ его разрушительнымъ теченіямъ, есть могущественное противоядіе противъ міроѣдства, хулиганства и пугачевщины. Сельское хозяйство становится на общественную ногу; и, что всего важнѣе, самый фактъ нарожденія этой новой крестьянской общественности свидѣтельствуетъ о проникновеніи въ жизнь нѣкоторыхъ новыхъ нравственныхъ началъ, безъ коихъ экономическое возрожденіе нашей деревни не могло бы имѣть мѣста. Тотъ быстрый ростъ кооперацій, который мы въ настоящее время замѣчаемъ, не былъ бы возможенъ, если бы не упорная организаторская дѣятельность сельской интеллигенціи, которая въ большинствѣ случаевъ безкорыстно отдаетъ свой трудъ общему дѣлу.

Въ итогѣ десятилѣтіе, непосредственно предшествующее войнѣ, можетъ быть охарактеризовано какъ эпоха матеріальнаго роста Россіи и какъ эпоха созданія новыхъ формъ русской общественности. Въ борьбѣ съ многочисленными разрушительными и антиобщественными теченіями могущество и благосостояніе Россіи не только не уменьшилось, но, наоборотъ, умножилось; и уже въ этомъ одномъ заключается краснорѣчивое доказательство крѣпости

нашего народнаго организма. Положительное значеніе этого факта увеличивается тѣмъ, что, какъ мы видѣли, процессъ физическаго оздоровленія нашей родины совершался при дѣятельномъ участіи силъ духовныхъ. Однако этимъ еще не рѣшается окончательно вопросъ о *безусловной* цѣнности достигнутыхъ результатовъ.

Что мы имѣемъ въ современной Россіи, и какъ опредѣлилось ея духовное *я* въ только что закончившійся періодъ ея историческаго развитія? Сопровождалось ли возрастаніе ея матеріальнаго могущества соотвѣтствующимъ ростомъ духовнымъ, или же духъ здѣсь игралъ только подчиненную, служебную роль орудія матеріальной культуры? Что, собственно, выросло и что родилось на свѣтъ въ результатѣ пережитыхъ мукъ и исканій: подлинное *духовное* величіе или же только большое, но безсмысленное могущество?

Теперь, когда великая отечественная война ребромъ поставила вопросъ не только о физической мощи, но также и о духовномъ обликѣ Россіи, исторія дала на него тотъ недвусмысленный отвѣтъ, который оправдываетъ вѣру въ русскій народный геній.

II.

Великая европейская война открыла собою эпоху повышенной жизнедѣятельности человѣка и человѣчества. Въ общемъ повышеніи жизненной энергіи выражается первое и основное дѣйствіе войны на народную жизнь.

Во время войны всѣ живутъ съ удвоенной силой — и личности и общественныя группы и цѣлые на-

роды. Вопросъ «быть или не быть» ставится необычайно остро передъ всѣми; и жизнь повышается именно потому, что она вынуждена отстаивать себя, *утверждать себя* въ борьбѣ съ надвигающимися отовсюду силами смерти.

Эта общая интенсификація жизни совершается во всѣхъ направленіяхъ, проявляется одинаково какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ. Съ одной стороны война разнуздываетъ темныя силы ада, — снимаетъ оковы, извнѣ наложенныя на зло цивилизаціей; съ другой стороны, на борьбу съ сорвавшимся съ цѣпи сатаной возстаютъ всѣ тѣ свѣтлыя силы, какія таятся въ человѣчествѣ. Въ такія времена пробуждаются всѣ дремлющія въ немъ, доселѣ неявленныя міру или же, наоборотъ, давно забытыя возможности. Съ одной стороны, европейская культура оказывается всего только легкимъ покрываломъ, наброшеннымъ на злую жизнь. Въ человѣкѣ обнажается дикарь, допотопное чудовище, все еще не побѣжденное и развѣ только извнѣ обузданное современною цивилизаціей, но зато ею же вооруженное съ головы до ногъ: мы вновь слышимъ объ его неистовствахъ, о невѣроятныхъ жестокостяхъ осатанѣвшихъ людей и предводимыхъ ими массъ, — вообще о многообразныхъ проявленіяхъ дочеловѣческаго хаоса въ современной исторіи. Но, съ другой стороны, оживаютъ и силы добра, раньше усыпленныя будничной обстановкой мирнаго времени.

Теперь не время скромныхъ, *мѣщанскихъ* добродѣтелей и пороковъ. Въ нынѣшнюю минуту крайняго обостренія міровыхъ противоположностей, въ эпоху мірового кризиса, когда небо и адъ вступили между собою въ безпощадную борьбу изъ-за обла-

данія человѣкомъ, — и та и другая сила становится въ немъ явною. Въ человѣкѣ одновременно растетъ и божественное и звѣриное. Рядомъ съ извергами давно пережитой эпохи на нашихъ глазахъ возрождается противоположный, тоже древній, казалось бы, давно исчезнувшій типъ святого и подвижника.

Сверхчеловѣческая сила ненависти вызываетъ отвѣтное дѣйствіе сверхчеловѣческой силы любви; высшій подвигъ самоотверженія становится явленіемъ каждодневнымъ. И, что всего замѣчательнѣе, теперь этотъ высшій героизмъ вовсе не является свойствомъ людей исключительныхъ и великихъ. Героическій духъ овладѣваетъ массами; оказывается, что возможность героя таится и въ тѣхъ сѣрыхъ, будничныхъ, «хмурыхъ людяхъ», въ которыхъ она раньше ничѣмъ не проявлялась. Великіе подвиги теперь совершаются даже такими людьми, которые доселѣ всѣмъ казались средними и даже вовсе ничтожными.

Въ такія времена происходитъ какой-то глубокій переворотъ въ человѣческомъ сердцѣ: выковывается новый типъ человѣка, болѣе могущественный и болѣе значительный. Человѣкъ какъ бы перерастаетъ самого себя; а одновременно съ этимъ повышеніемъ энергіи личной жизни растетъ и сознаніе ея цѣнности. Въ минуту, когда обнаруживаются всѣ дотолѣ скрытыя силы и сокровища человѣческаго сердца, человѣкъ вызываетъ болѣе сильныя къ себѣ чувства. Въ отвѣтъ на пробудившуюся ненависть необычайно ярко и сильно разгорается паѳосъ любовнаго чувства во всѣхъ его видахъ и формахъ.

Объ этомъ повышеніи личнаго чувства теперь краснорѣчиво свидѣтельствуютъ безчисленныя, повседневно наблюдаемыя нами сцены.

Помнится, однажды мнѣ довелось слышать разговоръ на палубѣ парохода послѣ проводовъ на отхожіе промыслы. На берегу, какъ водится, стояли плачущія бабы, и послѣ отвала отъ пристани мужики стали разсуждать на тему: «почему баба плачетъ, а мы не плачемъ? Вѣдь жалко все одно, что намъ, что имъ, *только у насъ сердце покрѣпчае*».

Какъ же возрастаетъ эта сила любви и жалости, когда провожаютъ на войну, откуда столь многіе не возвращаются! Тутъ порою жалость переходитъ въ бунтъ любящаго сердца противъ роковой, неумолимой силы, грозящей гибелью всему милому и дорогому. Въ началѣ войны наши газеты опубликовали перехваченное нашими войсками письмо невѣсты-нѣмки къ жениху, уѣхавшему на войну: «зачѣмъ понадобилось наше маленькое, столь дорогое намъ счастье этому жестокому кайзеру?» И всякое любящее сердце безъ различія національности, въ особенности сердце женское, несомнѣнно чувствуетъ этотъ протестъ. Но въ томъ же чувствѣ любви есть нѣчто высшее, что приводитъ ропотъ къ молчанію. Въ томъ же нѣмецкомъ письмѣ, изъ котораго заимствованы только что приведенныя слова, есть и другая фраза: «возвращайся ко мнѣ свѣтлымъ побѣдителемъ — Зигфридомъ». Опять-таки и въ этихъ словахъ мы имѣемъ чувство общечеловѣческое, всѣмъ народамъ хорошо знакомую муку любви.

Во всякой сильной и искренней любви есть это неизбѣжное противоборство двухъ могущественныхъ влеченій; съ одной стороны, желаніе во что бы то ни стало сохранить возлюбленнаго, вырвать его изъ объятій смерти, а съ другой стороны, мечта видѣть его украшеннымъ тѣмъ вѣнцомъ, который завоевы-

Государ. публичная историческая библиотека

вается высшей жертвой и можетъ стоить жизни! Съ одной стороны, *мой* герой — этотъ отъѣзжающій на войну женихъ, мужъ, сынъ или братъ для меня единственное въ мірѣ, незамѣнимое существо, за которое я отдамъ всѣ сокровища на свѣтѣ. Его гибель — такая утрата, за которую ничто равноцѣнное меня вознаградить не можетъ; какъ же помириться съ мыслью, что на войнѣ приходится жертвовать тысячами этихъ безконечно дорогихъ жизней для овладѣнія одной траншеей!

Но, съ другой стороны, этотъ же паѳосъ любви свидѣтельствуетъ объ иномъ, *сверхличномъ* содержаніи, которое одно можетъ наполнить жизнь личности объективнымъ смысломъ и безусловной цѣнностью. Любви недостаточно *чувствовать* свой предметъ: ей нужно, кромѣ того, *цѣнить и уважать его*; ея сила должна быть въ немъ оправдана. И она чувствуетъ, что любимый человѣкъ — ничто внѣ того великаго человѣческаго цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ. Внѣ служенія этому цѣлому совершенно безсодержательно и пусто человѣческое существованіе. Отсюда—эта готовность любви мириться даже съ высшей жертвой — съ самой утратой жизни. Для чувства, которое хочетъ гордиться своимъ предметомъ, знать любимаго человѣка умершимъ легче, чѣмъ знать его предателемъ, измѣнникомъ или просто низкимъ трусомъ. Самая смерть возлюбленнаго, сына или брата иногда переносится легче, нежели утрата въ немъ *человѣка* въ подлинномъ и высшемъ значеніи этого слова.

Отсюда—эта живая и жизненная связь двухъ чувствъ, двухъ *паѳосовъ—паѳоса любви къ человѣку и паѳоса любви къ родинѣ*. Въ особенности во время

войны, въ эти дни высшаго напряженія человѣческой жизни и воли мы видимъ, какъ эти два чувства питаютъ другъ друга и разгораются отъ взаимнаго соприкосновенія.

Нужно необыкновенно сильно чувствовать родину, чтобы пожертвовать для нея не только самимъ собою, но и тѣмъ, что дороже себя,—всѣмъ, что любишь. А между тѣмъ въ переживаемыя нами историческія минуты такая жертва становится явленіемъ привычнымъ: мы видимъ ее въ безпредѣльномъ множествѣ повтореній. И, чѣмъ больше приносимая жертва, тѣмъ глубже внѣдряется въ сердце человѣка то великое народное цѣлое, ради котораго онъ жертвуетъ.

Въ наши дни, когда всѣ захвачены могучимъ народнымъ движеніемъ, эта связь личнаго и народнаго иллюстрируется безчисленными примѣрами. Теперь рѣшительно всѣ заняты войною: одни сражаются въ рядахъ арміи, а другіе работаютъ въ тылу арміи для какого-либо дѣла, связаннаго съ войной. И, вглядываясь внимательно въ происходящее кругомъ кипѣнье жизни, поражаешься тѣмъ, сколько интимныхъ, семейныхъ и личныхъ чувствъ связывается съ этой общественной дѣятельностью. Какъ часто двигателемъ заботъ о раненыхъ является любовь къ ушедшимъ на войну близкимъ людямъ, которые, можетъ-быть, завтра сами станутъ жертвами; и сколько добра творится въ память дорогихъ отшедшихъ, павшихъ на войнѣ! Теперь и мать, утратившая на войнѣ своихъ сыновей, и невѣста, у которой убили жениха, идутъ въ сестры милосердія. Единый народный мотивъ связываетъ въ одно цѣлое всѣ эти разнообразныя переживанія личнаго чувства:

онъ подчиняетъ себѣ и радость, и горе, и счастье, и страданіе личности.

Сознаніе національнаго единства, чувство солидарности людей въ единомъ народномъ дѣлѣ всегда возрастаетъ и усиливается въ дни военныхъ бурь. Но теперь этотъ подъемъ національнаго чувства особенно могучъ и великъ именно потому, что нынѣшняя война есть *война отечественная*; таковою она является не для насъ однихъ, но для всѣхъ ея участниковъ: для маленькихъ, а можетъ-быть, и для нѣкоторыхъ большихъ народовъ дѣло идетъ о самомъ ихъ политическомъ существованіи и по меньшей мѣрѣ—о политической независимости. Для Россіи этой войной рѣшается вопросъ объ ея цѣлости и объ ея великодержавномъ положеніи. Для народовъ, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, участвующихъ въ войнѣ, ребромъ ставится вопросъ «быть или не быть». И ближайшій результатъ его постановки—одинъ и тотъ же какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для народовъ,—необычайно сильный подъемъ любви къ тому намъ близкому и родному, что подвергается опасности.

Тутъ также проявляется та цѣлящая сила жизни, которая противится разрушенію и смерти. Ея дѣйствіе, которое всюду сказывается въ возстановленіи и утвержденіи внутренней *цѣлости* націй, было въ особенности чудотворнымъ въ началѣ этой войны, въ первые дни вызваннаго ею духовнаго подъема. Повсемѣстная пріостановка партійной жизни, прекращеніе внутреннихъ раздоровъ и объединеніе всѣхъ въ общей сверхпартійной задачѣ,—таковы яркіе факты, которые въ то время встрѣчались всюду—и у насъ, и у нашихъ союзниковъ, и точно такъ же у нашихъ противниковъ. Но, быть-можетъ, еще ярче были въ то

время тѣ непосредственныя стихійныя проявленія народнаго чувства, которыя вызывались первымъ появленіемъ раненыхъ.

Каждый давалъ имъ, что могъ, и выражалъ свои чувства, какъ могъ; то, что происходило въ городахъ, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно, чтобы объ этомъ нужно было напоминать. А въ деревняхъ бабы съ крестомъ и съ молитвой тащили раненымъ все, чѣмъ богата крестьянская изба — кто картофель, кто яйца, а кто холстъ. И всякая потребность, какъ бы велика она ни была, тотчасъ удовлетворялась, на всякую нужду откликались неизвѣстные жертвователи. Все дѣлалось *само собою*, безъ сговора, безъ организаціи, *стихійнымъ движеніемъ народнымъ*. И во всей Россіи та же народная стихія одинаково чувствовалась и одинаково дѣйствовала, творила тѣ же чудеса, какъ только являлась въ нихъ потребность. Въ такія и только въ такія минуты можно видѣть и осязать ту единую, *цѣлостную* Россію, которая въ будничныя эпохи исторіи словно распадается на безсвязныя, враждующія части и словно теряетъ единство народнаго *я* въ хаосѣ противорѣчивыхъ явленій.

И не только между современниками возрождаются эти могучія узы солидарности: возстановляется распавшаяся, казалось бы, давно порванная связь поколѣній. Ихъ историческое преемство становится явнымъ; единство общей жизни, связующей ихъ въ національное цѣлое, ощущается съ небывалой силой. Именно теперь, въ дни повышеннаго національнаго самосознанія, мы съ исключительною ясностью воспринимаемъ единство основного мотива нашей исторіи, распознаемъ его даже тамъ, гдѣ раньше мы на-

ходили лишь безнадежное раздвоеніе между настоящимъ и прошлымъ.

Отсюда—то новое чувство, съ которымъ мы смотримъ на памятники старины. Какъ многое раньше казалось намъ въ нихъ чуждымъ и непонятнымъ! А теперь нѣмыя стѣны становятся говорящими и оживаетъ то, что раньше казалось намъ давно умершимъ. Именно теперь, при свѣтѣ нашего новаго духовнаго опыта, намъ неожиданно открывается та духовная связь, которая насъ съ ними соединяетъ. Да будетъ мнѣ позволено привести примѣръ изъ только что пережитаго.

Недавно я посѣтилъ одно изъ величайшихъ *міровыхъ* чудесъ церковной архитектуры и живописи—храмъ св. Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. Мнѣ приходилось много разъ любоваться имъ и раньше—два слишкомъ десятка лѣтъ тому назадъ. Но тогда въ испытанномъ мною впечатлѣніи не было полноты: чувствовалось какое-то внутреннее препятствіе, которое мѣшало мнѣ наслаждаться. И вдругъ оно исчезло: я былъ захваченъ тѣмъ, что я увидѣлъ; теперь я впервые, наконецъ, почувствовалъ, что духовная жизнь, запечатлѣвшаяся въ этихъ линіяхъ, краскахъ и образахъ, для насъ—не прошедшее, а *настоящее*. Мнѣ какъ-то сразу стало ясно, что весь духовный смыслъ этого храма—въ дивной его фрескѣ, изображающей самого Предтечу со строгимъ ликомъ, съ прекрасными, могучими крыльями и съ неестественно худыми, аскетически истонченными руками и ногами.

Цѣлые вѣка русской исторіи высказали свое настроеніе и самую глубокую свою думу въ этомъ изображеніи; въ немъ выразился тотъ духовный ростъ Россіи, который совершался въ физической

немощи; у нея были слабы руки и ноги, и, можетъ-быть, именно потому у нея росли крылья. Когда подъ этимъ впечатлѣніемъ я вновь осмотрѣлъ храмъ снаружи, я понялъ, что та же идея выражается во всемъ его внѣшнемъ обликѣ, столь рѣзко контрастирующемъ со всей окружающей его обстановкой. Точно умышленно этотъ богатый каменный храмъ съ его золотыми главами, съ его яркими жизнерадостными красками, съ его роскошной живописью, построенъ за Которослью—въ самомъ бѣдномъ кварталѣ Ярославля. Невольно эта красота и мощь архитектурныхъ линій заставляетъ думать о могучихъ крыльяхъ. А тѣ бѣдныя мірскія строенія—тѣ жалкіе деревянные домики, которые лѣпятся вокругъ, вызываютъ въ памяти истонченныя руки и ноги.

Такъ когда-то сознавала и чувствовала себя Россія, изъ нищеты мірской растившая духовное богатство. Все, что жизнь производила цѣннаго и дорогого, шло на украшеніе храмовъ, расточалось на роскошь ихъ стѣнописи и на золотые, художественной чеканки оклады иконъ. *Духовное* ощущалось, какъ подлинно прекрасное и радостное. А рядомъ съ этимъ мірское строеніе окрашивалось однообразными сѣрыми тонами. Сѣрымъ рисовалось, да и на самомъ дѣлѣ сѣрымъ было все здѣшнее; всѣ яркія, радужныя краски приберегались для того потусторонняго, что изображается храмомъ. Есть еще одна типическая черта, которая дѣлаетъ этотъ контрастъ особенно рельефнымъ. Храмъ св. Іоанна Предтечи былъ выстроенъ въ XVII вѣкѣ послѣ пожара, уничтожившаго большую часть Ярославля. Обывательскіе дома и послѣ того строились изъ дерева и горѣли, а каменный храмъ доселѣ противостоитъ и долго еще бу-

детъ противостоять разрушительной работѣ времени. Въ глазахъ его строителей онъ выражалъ собою ту единственно непреходящую цѣнность, которая достойна быть увѣковѣченной.

Для многихъ вѣковъ русской исторіи эта противоположность имѣетъ основоположное значеніе. Тотъ же взмахъ могучихъ крыльевъ и та же немощь рукъ и ногъ чувствовалась и въ тѣ времена, когда монастыри собирали вокругъ себя русскую землю, когда она спасалась отъ татаръ молитвами святого Сергія, и въ дни высокаго полета пушкинской поэзіи надъ гоголевской равниной русской жизни, и въ творчествѣ Достоевскаго, и въ Руси, воспѣтой Тютчевымъ. Но выражается ли этимъ символическимъ образомъ Іоанна Предтечи духъ современной Россіи съ ея изо дня въ день растущимъ богатствомъ и съ ея быстро развивающейся матеріальной культурой? Не кажется ли иногда, наоборотъ, что теперь у нея выросли, наконецъ, могучія руки и ноги, но ослабѣли и атрофировались крылья!

Когда смотришь на московскій Кремль съ того берега Москвы-рѣки, мѣстами получается впечатлѣніе, словно фабричныя трубы переросли колокольню Ивана Великаго и нагло заявляютъ свои права на первенство. Зрителемъ овладѣваетъ мучительное безпокойство, гдѣ же, наконецъ, теперь подлинная вершина русской жизни и кто побѣдитъ въ этомъ спорѣ изъ-за обладанія душою Россіи?

Но нынѣшняя война даетъ, наконецъ, рѣшительный и ясный отвѣтъ на эти сомнѣнія. Не самый фактъ обладанія богатствами, а *отношеніе къ нимъ* рѣшаетъ вопросъ о духовномъ обликѣ человѣка и народа. И вотъ теперь, въ дни великаго, огненнаго

испытанія, Россія презрѣла свое богатство и съ небывалой силой ощутила ничтожество матеріальнаго благополучія. И тѣмъ самымъ возстановилась связь поколѣній. Рухнула та духовная преграда, которая мѣшала намъ понимать и чувствовать нашихъ предковъ. Теперь мы живемъ общей съ ними жизнью. *Ихъ святыня—наша святыня.*

Переживаемые нами дни переоцѣнки всѣхъ цѣнностей характеризуются прежде всего полнымъ посрамленіемъ того практическаго матеріализма, который наканунѣ войны казался господствующимъ въ жизни. Теперь, когда люди массами идутъ на вольную страсть, и добровольная жертва жизнью стала явленіемъ привычнымъ, заботиться объ удобствѣ и комфортѣ становится прямо постыднымъ. Пожертвованія въ пользу раненыхъ и пострадавшихъ отъ войны текутъ рѣкой; люди, отказывающіе себѣ во всемъ и жертвующіе всѣмъ своимъ достояніемъ, перестали быть рѣдкимъ исключеніемъ! А тѣ, кто не имѣютъ денежныхъ средствъ, отдаютъ на общее дѣло свой трудъ.

Вообще передъ лицомъ смерти, которая коситъ людей сотнями тысячъ, отношеніе къ богатству въ корнѣ мѣняется. Тѣмъ, кто идетъ въ огонь, оно мало приноситъ пользы. А тѣ, кто теряютъ близкихъ или ежеминутно рискуютъ ихъ потерять, естественно задаются вопросомъ, для кого имъ его беречь и накоплять!

Въ такія эпохи забота о средствахъ жизни уже не заслоняетъ ея цѣли. Въ минуты общаго возрожденія духовной жизни богатство вновь начинаетъ служить святынѣ; неудивительно, что именно теперь намъ становится близкою та красота древнихъ храмовъ

гдѣ одухотворялась самая роскошь земная. Та легкость духа, съ которой мы переносимся въ ихъ настроеніе, является новымъ свидѣтельствомъ о возстановляющейся *цѣльности* Россіи, о томъ *сверхвременномъ* единствѣ, которое связуетъ насъ съ давно отошедшими въ одно живое народное цѣлое. Въ измѣнившейся исторической обстановкѣ мы видимъ передъ собой все тотъ же духовный обликъ Россіи и съ новой силой чувствуемъ надъ нею все тотъ же взмахъ могучихъ крыльевъ.

Недавно ихъ дѣйствіе сказалось въ новой побѣдѣ духа надъ плотью—въ той легкости, съ какою нашъ народный организмъ выбросилъ изъ себя одурманивавшій его вѣками ядъ водки. И здѣсь съ другого конца сказалось все то же крушеніе господствовавшаго надъ нами раньше практическаго матеріализма. Пробудившееся сознаніе и просвѣтлѣвшее чувство народное въ одно и то же время возвысилось надъ очарованіемъ богатства и восторжествовало надъ соблазнами пьяной, порочной нищеты. Въ самый разгаръ войны, угрожавшей жестокимъ разореніемъ нашей бѣднотѣ, нагіе одѣваются, разутые пріобрѣтаютъ обувь, а недавніе горькіе пьяницы вновь становятся людьми; вотъ новое краснорѣчивое доказательство могущества той духовной силы, которая на нашихъ глазахъ созидаетъ новую Россію.

Неудивительно, что въ эти дни общаго повышенія жизни все русское ощущается нами иначе, какъ бы просвѣтляется и преображается передъ нами. Насъ какъ-то глубже захватываетъ и красота русской природы и наша своеобразная мелодія и вся вообще духовная глубина русскаго искусства. И, что всего

важнѣе, всѣ эти прежде отрывочныя переживанія и впечатлѣнія связуются во единый, цѣлостный образъ Россіи. Все это становится намъ дорого, какъ никогда: въ насъ повышается чувство безконечной цѣнности всего того индивидуальнаго, незамѣнимаго, единственнаго въ своемъ родѣ, что есть въ этомъ ликѣ народномъ. Оно и понятно: теперь чувство къ своему народу во многомъ напоминаетъ чувство къ близкому человѣку, котораго мы провожаемъ на войну. Тутъ есть то же противоборство двухъ чувствъ—двухъ влеченій: желанія во что бы то ни стало сохранить *цѣлость* Россіи и желанія видѣть ее украшенною тѣмъ вѣнцомъ, который вѣнчаетъ опасный и трудный подвигъ.

И именно во внутреннемъ согласіи этихъ двухъ, казалось бы, несогласимыхъ влеченій заключается та глубочайшая тайна о человѣкѣ и человѣчествѣ, которая открывается намъ въ эти дни. Такова природа человѣческой души: чѣмъ больше повышается для насъ духовная цѣнность индивидуальнаго, *единственнаго въ своемъ родѣ* въ человѣкѣ и въ народѣ, тѣмъ глубже мы чувствуемъ связь этого индивидуальнаго съ чѣмъ-то высшимъ, *всеобщимъ*, отъ чего оно получаетъ свой смыслъ и значеніе. Что останется отъ яркой индивидуальности какого-нибудь Ахилла, Зигфрида или Ильи Муромца, если мы отнимемъ у нихъ все то, что дѣлаетъ ихъ народными героями? Не ясно ли, что вмѣсто индивидуальности останутся блѣдные призраки, безкровныя тѣни. Оно и понятно: могучая народная стихія и есть то, что питаетъ яркую человѣческую индивидуальность; человѣкъ безнародный — потому самому человѣкъ безличный и безцвѣтный.

То же вѣрно и относительно индивидуальнаго въ народѣ: и оно получаетъ свое содержаніе и смыслъ отъ всеобщаго надъ нимъ,—отъ чего-то сверхнароднаго, общечеловѣческаго, что связуетъ народы въ одно цѣлое. Если мы откинемъ общечеловѣческое, то тотчасъ превратится въ ничто и то индивидуальное, что мы цѣнимъ въ народѣ. Всѣ только что упомянутые народные герои — Ахиллъ, Зигфридъ и Илья Муромецъ—представляютъ собою лишь индивидуализированные народные варіанты общечеловѣческихъ типовъ. То же самое можетъ быть провѣрено на любомъ яркомъ произведеніи національнаго творчества. Возьмемъ ли мы какой-нибудь памятникъ готической архитектуры или церковь Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ, Иліаду Гомера или Фауста Гёте, мы неизмѣнно увидимъ, что въ основѣ этихъ произведеній лежитъ какой-либо общечеловѣческій мотивъ, сообщающій имъ ихъ міровое, *всеобщее* значеніе; и только своеобразный способъ разработки этого мотива, то своеобразное сочетаніе неуловимыхъ тоновъ, въ которомъ онъ воплощается, носитъ на себѣ ярко національную окраску. Въ концѣ концовъ народности суть развѣтвленія единаго общечеловѣческаго ствола. Этимъ объясняется тотъ поразительный фактъ, что углубленное, *одухотворенное* воспріятіе народнаго духа повышаетъ чувство общечеловѣческой солидарности. Къ этому предѣлу неизбѣжно приводитъ совершающійся на нашихъ глазахъ подъемъ духовный, когда онъ достигаетъ высшаго своего напряженія.

Кто не помнитъ захватывающаго описанія Рождества въ окопахъ на западномъ фронтѣ, когда англичане и нѣмцы, выйдя изъ траншей, обнимались и

вмѣстѣ пѣли рождественскіе гимны! Это откровеніе любви и всечеловѣческаго единства на полѣ сраженія, гдѣ царитъ раздоръ и ненависть, представляется чѣмъ-то непонятнымъ, невозможнымъ. И, однако, невозможное свершилось, и въ этомъ обнаружилась та логика духовной жизни, которая выше и глубже логики разсудка.

Духъ дышитъ гдѣ хочетъ: онъ не знаетъ ни территоріальныхъ, ни этнографическихъ предѣловъ; никакими искусственными барьерами, укрѣпленіями и орудіями не могутъ быть остановлены его порывы. Изъ нѣдръ войны рождается этотъ могучій протестъ жизни противъ всеразрушающей силы смерти. Но жизнь, когда она утверждаетъ себя, всегда стремится прежде всего возстановить *цѣлость живущаго*. Чѣмъ больше война повреждаетъ общечеловѣческое единство, чѣмъ могущественнѣе та взаимная ненависть народовъ, которая стремится разорвать его на части,—тѣмъ сильнѣе отвѣтное дѣйствіе той духовной силы, которая стремится къ возстановленію цѣлости человѣчества. Этимъ объясняется тотъ съ перваго взгляда парадоксальный фактъ, что именно во время войны чувство общечеловѣческой солидарности достигаетъ того высшаго напряженія, которое въ мирное время едва ли возможно.

Тутъ мы имѣемъ одно изъ самыхъ поразительныхъ современныхъ явленій: вѣдь война возникла именно потому, что въ плоскости матеріальнаго бытія народы безнадежно раздѣлены между собою несовмѣстимыми интересами. Еще такъ недавно, въ началѣ этой войны германскіе публицисты опровергали ее правомъ нѣмецкаго народа на „*лучшее мѣ-*

сто подъ солнцемъ“ и на господство надъ другими народами. И вдругъ, именно тамъ, гдѣ національная исключительность, а съ нею вмѣстѣ и національная ненависть, казалось бы, должна достигнуть высшей своей точки, у людей спадаетъ повязка съ глазъ: на полѣ сраженія имъ открывается иная плоскость бытія, гдѣ солидарны оба враждующихъ стана. Тутъ мы имѣемъ побѣду духа, которая разомъ ниспровергаетъ весь тотъ плоскій идеалъ, который посѣялъ вражду между народами. И тамъ, гдѣ смерть утверждаетъ свое владычество, враги *вмѣстѣ* поютъ гимнъ той силѣ, которая побѣдила смерть.

Въ этомъ новомъ міроощущеніи заключается одно изъ наиболѣе ясныхъ откровеній духовнаго смысла настоящей войны.

Я вовсе не склоненъ умалять тѣхъ важныхъ политическихъ задачъ, которыя ставятся и разрѣшаются этой войной, и тѣхъ внѣшнихъ результатовъ, какіе могутъ быть ею достигнуты. Объ этомъ я достаточно говорилъ въ другихъ моихъ публичныхъ чтеніяхъ. Да будетъ же мнѣ позволено указать сегодня на то, что безконечно выше и значительнѣе всякихъ внѣшнихъ завоеваній, на то духовное пробужденіе, которое совершается на нашихъ глазахъ.

Мы вошли въ жизненное соприкосновеніе съ мірами иными. Намъ были явлены духовныя силы, доселѣ намъ невѣдомыя и невидимыя. Ихъ дѣйствіе остается скрытымъ отъ человѣка, поглощеннаго заботой о своемъ матеріальномъ благополучіи. Но вотъ теперь, когда міръ тонетъ въ крови и проносящійся надъ нами огненный вихрь превращаетъ человѣческое благополучіе въ ничто,—слѣпые стали видѣть, а глухіе—слышать. Намъ открывается гря-

дущая побѣда духа надъ хаосомъ. Словно среди грозы и бури небесная молнія на краткій мигъ озарила міръ, и мы увидали его въ новомъ свѣтѣ. Постараемся же, пока не поздно, закрѣпить въ памяти то, что мы увидали. Иначе скоро видѣнье потускнѣетъ, скроется отъ взора. А между тѣмъ оно намъ нужно какъ источникъ бодрости для той многотрудной созидательной работы, которая наступитъ послѣ войны.

Когда, по окончаніи нынѣшняго грозового періода исторіи, попрежнему потянутся однообразной чередою сѣрые, чеховскіе дни, человѣческая жизнь снова будетъ подавлять насъ своей мелочностью, ничтожествомъ и видимымъ безсмысліемъ. Но не будемъ складывать рукъ и предаваться малодушію. Лучше воскресимъ въ памяти тотъ прекрасный, осмысленный ликъ грядущаго человѣчества, который явился намъ теперь, тотъ таящійся въ человѣкѣ героизмъ, который въ дни великихъ испытаній поднимаетъ его изъ ничтожества, и всѣ тѣ безконечныя возможности, которыя были намъ явлены. Среди внутренняго разлада и розни, которые будутъ смущать насъ тогда, вспомнимъ тотъ одухотворенный образъ единой, цѣлостной Россіи, который мы видимъ теперь. А когда, среди разгорѣвшейся вражды племенъ, снова начнутъ скопляться грозовыя тучи,— вспомнимъ, что нѣкогда въ грозѣ и бурѣ людямъ явилось откровеніе единаго, цѣлостнаго человѣчества.

Надъ открывшимся на землѣ адомъ мы увидѣли ту силу, которую адъ не одолѣетъ, ту самую, которой принадлежитъ будущее. Ея дѣйствіе—вездѣ одно и то же: и въ человѣкѣ, и въ народѣ, и въ человѣчествѣ она утверждаетъ жизнь противъ смерти,

цѣлость живого противъ разрушенія. На нашихъ глазахъ она воплотилась въ рядѣ яркихъ, поразительныхъ явленій. И въ этомъ предвареніи ея грядущей окончательной побѣды заключается тотъ смыслъ настоящей войны, который мы навсегда должны сохранить въ памяти. Судъ высшей правды надъ человѣкомъ и надъ міромъ открывается не въ будничныя времена, а въ великія историческія эпохи—въ дни высшаго подъема силъ духовныхъ.

Есть дивный поэтическій образъ, который какъ нельзя болѣе ярко олицетворяетъ самую сущность нашихъ современныхъ переживаній. Это — древнее сказаніе о городѣ Китежѣ, чудесно спасшемся въ дни татарскаго нашествія. Геройски пали его защитники; но, по молитвѣ святыхъ, рука Всевышняго покрыла городъ; онъ сталъ невидимъ и не откроется до самаго пришествія Христова: только прошедшіе черезъ многотрудный подвигъ любви и самоотверженія слышатъ колокольный звонъ невидимыхъ церквей и видятъ ихъ умными очами.

И вотъ теперь мнѣ кажется, что сказаніе становится былью. Душѣ открылись невидимые храмы, и ухо явственно слышитъ ихъ звонъ, зовущій къ радости. Онъ возвѣщаетъ намъ побѣду смысла надъ безсмыслицей и торжество жизни надъ смертью.

Государственная публичная
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

КОПИРОВАНИЕ

21.11.94

Того же автора:

1) **Смыслъ войны.**
(Москва, книгоиздательство «Путь», Новинскій бульваръ, 103). Цѣна **30** коп.

2) **Война и міровая задача Россіи.**
Цѣна **20** коп.

3) **Національный вопросъ, Константинополь и святая Софія.** Цѣна **20** коп.

Обѣ послѣднія брошюры—въ книгоиздательствѣ Т-ва И. Д. Сытина (Москва).

Цѣна 20 коп.